

Цзян Цяо искренне не понимал мотивов Фу Чэньюэ. О какой-либо близости не могло быть и речи: в его памяти количество встреч с Фу Чэньюэ можно было пересчитать по пальцам одной руки.

И почти все они заканчивались скверно, потому что первое впечатление оказалось крайне неудачным.

Тогда он вместе с режиссером и агентом присутствовал на светском приеме — деловом ужине с инвесторами, где он впервые и увидел Фу Чэньюэ. Цзян Цяо изрядно выпил, вышел в туалет, а по возвращении перепутал кабинки и буквально врезался в Фу Чэньюэ.

Формально это была его ошибка, и по логике извиняться должен был он, но из-за алкоголя ноги слушались плохо. Фу Чэньюэ же, воспользовавшись моментом, повел себя нагло: он не только не отпустил его, но и, пока Цзян Цяо был не в силах сопротивляться, под насмешливыми взглядами присутствующих вывел его из зала, поднялся на этаж с номерами и снял комнату.

А потом, едва уложив его на кровать, поцеловал.

Поцеловал!

Цзян Цяо, который за двадцать с лишним лет даже не успел растратить свой экранный поцелуй, был в шоке. Это был его самый настоящий, первый в жизни поцелуй, и он вот так глупо его лишился.

Как взрослому мужчине, ему было неловко придавать этому такое значение, но, исходя из многолетнего опыта в индустрии развлечений, он прекрасно понимал, что последует дальше. Он был пьян, но не настолько, чтобы позволить делать с собой что угодно. Сознание еще работало, и он, вскинув колено, со всей силы ударил обидчика в пах.

Цзян Цяо поклялся бы, что в тот миг услышал, как тот судорожно вдохнул воздух. Воспользовавшись заминкой, он сбежал из номера, у лифта столкнулся с агентом и благополучно уехал домой.

С того дня Фу Чэньюэ прочно обосновался в его черном списке под грифом законченный мерзавец. С тех пор Цзян Цяо не мог смотреть на этого человека без раздражения. Ему казалось, что каждое его действие продиктовано скрытыми мотивами, и он был уверен, что уж с кем-кем, а с этим типом его пути больше не пересекутся.

Но в нынешней ситуации всё стало пугающе странным. Шэнь Цинсюй мертв, так с чего вдруг Фу Чэньюэ так настойчиво расспрашивает о нем?

Цзян Цяо невозмутимо спросил:

— Я не знаю, что именно господин Фу хочет узнать.

Фу Чэньюэ опустил взгляд, словно вглядываясь в невидимую точку:

— Что угодно. Подойдет всё.

Цзян Цяо покачал бокал в руке, невольно сделал глоток и после короткого раздумья предложил:

— Мы могли бы поговорить о его ролях.

Фу Чэньюэ прервал его:

— Это не нужно.

Цзян Цяо осекся:

— Тогда что вы хотите услышать?

— То, что вне его работ, — ответил Фу Чэньюэ.

Ну и чертовски же сложный этот человек.

Цзян Цяо прикусил губу:

— Зачем вы спрашиваете? Сюя-гэ ведь уже нет с нами.

Говоря это, он вовремя наполнил глаза влагой, мастерски изображая скорбь по близкому другу, будто был готов расплакаться в любую секунду.

— Если не начнешь говорить, я вызову полицию, — холодно отозвался Фу Чэньюэ.

Терпение собеседника лопнуло. Как и ожидал Цзян Цяо, при малейшем несогласии тот угрожал полицией — до чего же по-детски.

Цзян Цяо поднял взгляд на панорамные окна, перед которыми стояло мягкое кресло-мешок.

— Видите это кресло? Он любил проводить в нем время. Часто сидел там с книгой или сценарием — мог просидеть так целый день.

Фу Чэньюэ невольно проследил за его взглядом. В комнате никого не было, но при виде этого проматого кресла ему вдруг показалось, что он видит Шэнь Цинсюя: вот он лениво откинулся на спинку, в руках книга, уголки губ приподняты в улыбке на смешном моменте, а на

серьезном — на лбу залегла складка. Казалось, он все еще жив.

Оба молчали. Снаружи давно стемнело, за окном простиралась лишь непроглядная ночная тьма.

Цзян Цяо не мог описать свои чувства. Он уже принял факт собственной смерти, но воспоминания о прожитой жизни вызвали острое чувство несправедливости.

Фу Чэньюэ отвел взгляд. Его настроение явно ухудшилось, голос стал тише:

— Продолжай.

Цзян Цяо посмотрел на него, потер живот и предложил:

— Я проголодался. Может, сначала поужинаем?

Когда-то из-за ненормированного графика съемок он заработал гастрит. Боль была невыносимой, поэтому позже он приучил себя питаться строго по часам, как бы ни был занят. Здоровье — залог успеха. Кто бы мог подумать, что он умрет так неожиданно и так быстро.

Фу Чэньюэ молчал, давление в комнате упало. Этот мужчина был совершенно непредсказуем: секунду назад казался спокойным, а теперь надулся, словно ему кто-то задолжал денег. Цзян Цяо поклялся, что, как только выйдет из этой комнаты, больше никогда не захочет видеть это лицо.

В гостиной снова воцарилась тишина, пока не раздался звонок в дверь.

Цзян Цяо, видя, что Фу Чэньюэ и не думает шевелиться, смиренно встал и открыл. На пороге стоял сотрудник службы эксплуатации дома.

— Это посылка для господина Шэня, мы не знаем, что с ней делать.

Цзян Цяо не сразу вспомнил, что заказывал, но взял коробку:

— Оставьте мне, спасибо.

Он взял у курьера ручку и быстро расписался в квитанции. Тот странно на него посмотрел, но в дела жильцов они никогда не лезли. Уже в лифте курьер решил взглянуть на подпись: там было небрежно выведено три иероглифа — Шэнь Цинсюй.

У сотрудника дернулся глаз, и по спине пробежал холодок. У него не хватило смелости вернуться и спросить, почему тот расписался этим именем. Засунув квитанцию в карман, он, не оглядываясь, покинул дом.

Цзян Цяо, стоя в прихожей, изучал посылку. Достал из ящика канцелярский нож и в пару движений вскрыл упаковку. В гостиной Фу Чэньюэ, почти не мигая, наблюдал за его действиями.

Коробка была упакована очень бережно, слой за слоем. Цзян Цяо сел на пол по-турецки и наконец добрался до самого маленького футляра внутри. Там оказались пробники духов и карточка — это была новая коллекция, которую дизайнер обещал прислать на пробу. Он совсем забыл об этом.

Рассматривая флакончик, Цзян Цяо встал и по привычке хотел было направиться в гардеробную, но, проходя мимо гостиной, резко свернул и сел на диван, поставив коробочку на журнальный столик.

— Похоже, духи.

Всему виной то, что он слишком мало времени был мертв и еще не привык к жизни в теле Цзян Цяо, особенно в своем собственном доме. Он не знал, не вызовет ли это подозрений у Фу Чэньюэ. Хотя, вряд ли нормальный человек заподозрит нечто настолько мистическое, как воскрешение или переселение души.

Пока Цзян Цяо размышлял, его живот снова издал громкий звук. Он был по-настоящему голоден.

Фу Чэньюэ, задумчиво постукивая пальцами по подлокотнику, вдруг спросил гораздо мягче:

— Чего бы ты хотел поесть?

Глаза Цзян Цяо засияли:

— Можно всё, что угодно?

Фу Чэньюэ: ...

<http://bllate.org/book/18739/1812119>